

М. И. СМИРНОВ

<«...Командующим и был избран наиболее энергичный и активный адмирал русского флота»>

Ко времени назначения Колчака командующим флотом Черного моря обстановка на этом море складывалась так: наша Кавказская армия, взяв Трапезунд и Эрзерум, требовала подвоза провизии, снабжения и материалов морем из Новороссийска и Батума на Трапезунд. Наши армии Юго-Западного фронта получали зерно из хлебных портов Хорлы и Скадовск морем через Одессу. Одесский район снабжался углем морем из Мариуполя. Поэтому морской транспорт имел первостепенное военное значение. В 1917 г. намечено было выполнение главной нашей задачи — занятие нами проливов Босфора и Дарданелл. От флота требовалась активная боевая деятельность, поэтому командующим им и был избран наиболее энергичный и активный адмирал русского флота. Во время назначения Колчака я командовал эскадренным миноносцем «Казанец», входившим в состав минной дивизии Балтийского флота. Адмирал Колчак вызвал меня к себе и предложил ехать с ним в Черное море флаг-капитаном оперативной части. Он мне сказал: «Я считаю, что командующий флотом и флаг-капитан должны иметь одинаковые взгляды на ведение войны, я знаю ваши взгляды и потому предлагаю вам ехать со мной». Я, конечно, без колебаний согласился.

Через два дня Колчак был в Петрограде, откуда, после свидания с морским министром адмиралом Григоровичем, мы выехали в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. В Ставке имели счастье быть представленными государю императору, неоднократно беседовавшему с адмиралом Колчаком и напуществовавшего его иконой. Начальник штаба, генерал-адъютант Алексеев и начальник Морского штаба адмирал Русин весьма подробно изложили положение на всех театрах военных действий и передали нам директивы касательно задач Черноморского флота...

В первый же день прибытия в Севастополь, тотчас по вступлении Колчака в командование флотом, было получено известие секретной разведки о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в Черное море

в неизвестном направлении. Адмирал Колчак хотел немедленно выйти с флотом в море для встречи с «Бреслау», но оказалось, что выход флота в ночное время не организован, а также, что выходные фарватеры не протралены и протрание их займет шесть часов времени, поэтому если начать траление на рассвете в три часа, то флот может выйти в море в девять часов утра. Ничего не оставалось делать, как ждать. Стало ясно, почему, несмотря на прекрасно организованную секретную агентуру, флот никогда не мог выйти в море для встречи противника, который успевал делать набеги на наши берега. Адмирал Колчак тотчас же дал указания начальнику охраны Севастопольских рейдов организовать ночной выход флота в море с тем, чтобы эта новая организация уже действовала через двое суток, когда мы будем возвращаться с моря. Мне он приказал разработать план преследования «Бреслау». Переговорив с моими помощниками о вероятных целях, которые может иметь «Бреслау», я составил следующий план. Линейный корабль «Императрица Мария» под флагом командующего флотом и крейсер «Память Меркурия» с семью нефтяными миноносцами идут в направлении к Самсунскому заливу; если до вечера не последует встреча с «Бреслау», то «Императрица Мария» и четыре миноносца идут к Батуму, а «Память Меркурия» с тремя миноносцами к Новороссийску, с целью встречи в этих пунктах с «Бреслау» на рассвете. Адмирал Колчак утвердил этот план. Флот вышел в море в 9 часов утра. Взяли курс согласно плана. Около 4 часов дня встретили «Бреслау», идущего по направлению к нашим Кавказским берегам. Увидев нас, «Бреслау» немедленно повернул и начал уходить полным ходом в направлении к Босфору. Первоначально расстояние от «Марии» до «Бреслау» было всего 90 кабельтов. «Мария» дала залп, который накрыл «Бреслау», но последний выпустил густую дымовую завесу, которая его совершенно скрыла, и наша стрельба сделалась недействительной. Расстояние между «Бреслау» и «Марией» увеличивалось. Погоня продолжалась до вечера. Скорость хода «Бреслау» значительно превосходила скорость хода «Марии», и он ушел на Босфор, а мы вернулись в Севастополь, причем входили туда уже ночью, по вновь разработанной системе охраны рейдов.

По возвращении в Севастополь, согласно указаний адмирала Колчака, я принялся за разработку планов заграждений Босфора и Варны минами. Первоначально встретились большие препятствия. Миноносцы совсем не были обучены постановке мин заграждения. Самых мин в Севастополе было только около 400, потребность же определялась не менее 2000. Наконец, начальник минной бригады подал адмиралу Колчаку докладную записку, в которой заявил, что считает идею заграждения минами Босфора бесцельной, вредной и рискованной. Пришлось выполнять план без его участия. Все эти препятствия были

вскоре устранены. Морской министр обещал присылать в Севастополь мины в большом количестве. Был выписан лучший специалист по проектированию мин заграждения, капитан 1-го ранга Шрейбер¹, который разработал новый тип малой мины «рыбка» для борьбы с подводными лодками. 9000 таких мин были заказаны на южнорусских заводах. Миноносцы начали занятия по обучению постановке мин.

Уже в конце июля мы приступили к операциям по минированию Босфора. Сначала 40 мин были поставлены внутри пролива с подводной лодки «Краб». Затем 1-й дивизион нефтяных миноносцев (типа «Новик») поставил в три приема мины заграждения при входе в Босфор, вплотную к неприятельским берегам, под самыми его батареями. Хотя я был флаг-капитаном Оперативной части, но по особым обстоятельствам адмирал Колчак, когда мы были уже в море, приказал мне вступить в непосредственное командование дивизионом миноносцев, ставивших заграждения. Сам адмирал Колчак с линейными кораблями «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина II» держался в море вблизи Босфора, чтобы поддержать миноносцы в случае выхода неприятеля.

В дальнейшем было произведено таким же путем заграждение Варны. Затем мы стали периодически усиливать поставленные заграждения. Были специально оборудованы мелкосидящие суда, которые ставили мины поверх раньше поставленных. В течение трех месяцев нами было поставлено более 2000 мин. Результат превзошел самые смелые ожидания. Неприятель потерял на наших минах 6 подводных лодок, и с середины ноября 1916 года до конца командования флотом адмиралом Колчаком ни одна подводная лодка, ни один неприятельский военный корабль, ни один пароход не выходил из Босфора в море. Подвоз угля в Константинополь из единственного турецкого угольного порта Зунгулдак, расположенного на берегу Черного моря, прекратился, и Турецкая империя начала чувствовать угольный голод. Плавание по морю наших пароходов-транспортов совершалось с полной безопасностью, как в мирное время. Задача снабжения наших армий значительно облегчилась. Потери наших транспортов за все время командования флотом адмиралом Колчаком состояли в одном пароходе.

Я не могу подробно останавливаться на ходе войны на Черном море, так как это заняло бы слишком много места, скажу только, что дальнейшая деятельность состояла в поддержке армий, действующих в Румынии, в обороне устья реки Дунай и в подготовке к десанту на Босфор. В конце 1916 года была получена директива из Ставки Верховного главнокомандующего, указывающая, что взятие нами Босфора должно совершиться в то время, когда в результате предположенного наступления наших армий на главном фронте силы центральных держав дрогнут. Это предполагалось летом 1917 года.

По указаниям адмирала Колчака был разработан план десанта, подготовлена транспортная флотилия для этой цели, разработаны тактические наставления для производства высадки, службы связи и т. п.; но всему этому не суждено было осуществиться вследствие начала революции и последующего разложения вооруженных сил России.

25 февраля ст. ст. адмирал Колчак прибыл в Батум на миноносце «Счастливый» для совещания с главнокомандующим Кавказской армией великим князем Николаем Николаевичем по вопросу о сооружении порта в Трапезунде и о содействии флота Кавказской армии. В Батуме адмирал получил телеграмму от начальника Морского генерального штаба следующего содержания: «В Петрограде произошли крупные беспорядки, город в руках мятежников, гарнизон перешел на их сторону». Адмирал немедленно послал телеграмму коменданту Севастопольской крепости с приказанием прекратить почтовое и телеграфное сообщение Крыма с остальной Россией до выяснения положения, чтобы не смутить настроения команд флота и населения непроверенными известиями. Адмирал немедленно вернулся на миноносце в Севастополь. Там уже получены телеграммы на его имя от председателя Государственной думы Родзянко с изложением событий и извещением, что правительство в Петрограде арестовано и комитет членов Государственной думы временно взял на себя функции правительства.

Адмирал Колчак собрал совещание флагманов и старших начальников крепости и порта, сообщил им содержание полученных телеграмм и предложил им сообщить об этом офицерам и командам, призывая последних сохранять спокойствие и исполнять долг службы по-прежнему. Кроме того, адмирал заявил, что в дальнейшем известия о событиях будут немедленно сообщаться для сведения служащих и работающих на флоте, в крепости и в порту. Адмирал дал указания старшим начальникам сообщать подчиненным о ходе событий, чтобы известия о них приходили к командам от их прямых начальников, а не со стороны от разных смутьянов и агитаторов. Почтовое и телеграфное сообщение с Крымом было восстановлено, так как обстановка более или менее прояснилась. На флоте, в порту и в крепости все было спокойно и беспорядков не происходило.

Через несколько дней были получены манифесты об отречении от престола государя императора Николая II и великого князя Михаила Александровича и сообщение из ставки Верховного главнокомандующего о том, что в прощальном приказе государь повелел армии и флоту подчиняться Временному правительству. В то же время турки дали несколько открытых радиотелеграмм, которые были приняты на кораблях с извращенным изложением происходящих событий и с призывом к Черноморскому флоту перестать воевать.

Предвидя возможность выхода «Гибена» и «Бреслау» в море, адмирал Колчак с флотом вышел в море и крейсировал на виду Босфора. На кораблях все было спокойно, и служба шла нормально.

Наконец, был получен по радиотелеграфу приказ № 1 Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, отменяющий дисциплинарную власть офицеров. Получение этого приказа имело большое влияние на разрушение дисциплины; начались митинги, и влияние офицеров на команду стало падать. Было ясно, что флот идет к разложению и что наложение дисциплинарных взысканий офицерами на нижних чинов стало невозможным. Необходимо было найти новые методы влияния на команды. Адмирал приказал всем свободным от службы офицерам флота, порта и гарнизона крепости собраться в морском собрании, где он произнес речь, призывая офицеров сплотиться с командой во имя спасения родины, напрячь все силы для успешного завершения войны, влиять своим примером на подчиненных и исполнять свой долг до конца. Вдохновенная речь адмирала Колчака произвела громадное впечатление. После него говорили в том же духе несколько офицеров. Затем на трибуне собрания неожиданно появились матрос, солдат и рабочий, которые заявили, что они прибыли с митинга, на котором были представители этих трех категорий и которые поручили им заявить, что они безусловно верят адмиралу Колчаку, будут исполнять его приказания, слушаться офицеров и будут продолжать войну до победного конца. Они предложили организовать на каждом корабле и в каждой отдельной части комитет из представителей офицеров и команды с целью влиять на команду в духе сохранения дисциплины и поддержания боеспособности. Постановления комитетов будут приводиться в исполнение, только если они будут утверждены командиром части.

Для всего флота было предложено учредить Центральный комитет флота, армии и рабочих от частей, подчиненных Командующему Черноморским флотом. Постановления этого комитета представляются на утверждение Командующему флотом. При выходе из Морского собрания огромная толпа жителей города, матросов и солдат устроила овацию адмиралу Колчаку; толпа несла плакаты с надписью «война до победного конца» и т.п. Казалось, какая-то возможность продолжать войну и поддерживать дисциплину существовала. Комитеты были установлены, и в течение первого времени их деятельность была плодотворна. Флот продолжал выполнять боевые операции, и минное заграждение у Босфора поддерживалось новыми постановками мин. По городу ходили процессии с призывом продолжать войну и с плакатами «Босфор и Дарданеллы России».

В самом начале революции адмирал Колчак сделал заявление военному и морскому министру, что он считает возможным продолжать командование флотом до тех пор, пока не наступит одно из трех

обстоятельств: 1) отказ какого-либо корабля выйти в море или исполнить боевое приказание; 2) смещение с должности без согласия Командующего флотом кого-либо из начальников отдельных частей, вследствие требования, исходящего от подчиненных; 3) арест подчиненными своего начальника.

В начале марта адмирал Колчак предложил мне вступить в должность начальника штаба Черноморского флота, так как бывший начальник штаба контр-адмирал Погуляев по причинам, не имеющим ничего общего с его деятельностью во флоте, должен был уйти. Я доложил адмиралу, что готов служить в какой угодно должности в Черноморском флоте до тех пор, пока он им командует.

В середине марта военный и морской министр Гучков просил адмирала Колчака прибыть в Петроград, а затем в Псков на совещание главнокомандующих и командующих армиями для обсуждения общего положения на фронте. Совещание состоялось под председательством временного Верховного главнокомандующего генерала Алексеева. В нем выяснилось полное разложение армии и Балтийского флота и невозможность продолжать войну, если процесс разложения не будет остановлен и дисциплина восстановлена.

По возвращении в Севастополь адмирал решил обратиться с патриотическим призывом к командам и указать им на опасность, грозящую Родине вследствие создавшегося положения. Адмирал собрал в помещении цирка представителей от всех частей флота, порта и крепости и произнес прекрасную, полную патриотизма речь. Он рассказал про положение на фронте, указал на цели войны, на гибельность для России, если она выйдет из состава воюющих, так как какая бы сторона не одержала победу, России придется заплатить своим достоинством победившей стороне, будь то враги или союзники. Это грозит потерей наших окраин. Адмирал указал, что Россия существует и каждый ее сын должен исполнить патриотический долг. Речь адмирала произвела громадное впечатление. В командах создан небывалый подъем духа, и они решили выбрать из своей среды делегатов в 500 человек для отправления на фронт с целью противодействия разрушительной агитации и воздействия своим примером на части армии в духе патриотизма.

Московский городской голова просил адмирала Колчака прислать ему копию его речи, так как Московская городская дума постановила отпечатать эту речь в 10 миллионах экземпляров для распространения среди населения России.

Престиж адмирала Колчака стоял чрезвычайно высоко, казалось, что офицеры и команды готовы были следовать за ним всюду, куда он их поведет. Адмирал это сознавал и прилагал все свои силы для поддержания боеспособности флота.

Черноморская делегация была отправлена. Она, по-видимому, приложила много стараний в направлении останова разрушительных процессов. В состав делегации попали наиболее патриотично настроенные и способные матросы и солдаты, но уход их из Черноморского флота ухудшил положение во флоте, так как подняли голову темные разрушительные силы. Большевицкая пропаганда усилилась и появились случаи крупного нарушения дисциплины.

В начале мая Центральный комитет флота по ничтожному поводу арестовал старшего помощника капитана над Севастопольским портом генерал-майора Петрова², несмотря на запрещение адмирала Колчака производить арест. Адмирал послал телеграмму Временному правительству с просьбой назначить ему преемника, так как он не находит возможным командовать флотом, если его приказания не исполняются. Временное правительство прислало грозную телеграмму, обращенную к Центральному комитету, с приказанием освободить генерала Петрова, что и было исполнено. Комитет присмирел и проявил опять покорность командующему флотом. Чувствовалось, что если правительству проявит твердость, то можно будет восстановить прежний порядок.

Через несколько дней в Севастополь прибыл военный и морской министр Керенский. Вместо проявления твердости он произнес несколько демагогических речей и благодарил комитет за исполнение просьбы Временного правительства. Комитет получил одобрение, и его позиция от речей Керенского только укрепилась.

После отъезда Керенского разрушительный процесс в Черноморском флоте усилился. Из Балтийского флота прибыла делегация большевиков, одетых в матросскую форму, они стали открыто вести пропаганду против адмирала Колчака; они говорили на митингах: «Товарищи черноморцы, что вы сделали для революции, вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем, вот мы, балтийцы, убили нашего Командующего флотом, мы заслужили перед революцией и т. п.». Арестовать этих агитаторов не было сил. Их речи имели большое влияние на некультурные массы матросов, солдат и рабочих. Влияние офицеров быстро падало.

В начале июня митинги приняли угрожающий характер. Центральный комитет, пытавшийся удерживать солдат, сам потерял влияние. Миноносец «Жаркий» отказался выйти в море для исполнения боевой задачи. Команда его заявила, что, хотя она и уважает своего командира лейтенанта Веселаго, но он человек слишком храбрый, поэтому воевать под его начальством опасно.

8-го июня во дворе Севастопольского флотского экипажа собрался митинг, на котором присутствовало тысяч 15 человек. Балтийские делегаты агитировали и наэлектризовывали толпу. Толпа требовала отобрания

ручного оружия от офицеров и ареста их. Вечером пришло известие, что на берегу начались аресты офицеров. Адмирал Колчак пробовал восстановить спокойствие, взывая к патриотизму людей, но это было тщетно.

Около 2 часов дня 9-го июня было получено известие, что на некоторых кораблях команда отобрала оружие от офицеров³, и через короткое время была принята радиотелеграмма от делегатского собрания с приказанием судовым комитетам отобрать от офицеров оружие. Судовой комитет флагманского корабля явился к адмиралу Колчаку в каюту с требованием выдать его оружие. Адмирал просто прогнал их вон. Затем он приказал поставить команду корабля во фронт и произнес речь, в которой указал на гибельные для родины поступки матросов, разъяснил оскорбительность для офицеров отобрания от них оружия, сказал, что даже враги японцы не отобрали от него его Георгиевскую саблю после сдачи Порт-Артура⁴, а они, русские, люди, с которыми он делил все тяготы и опасности войны, нанесли ему такое оскорбление, но он им своего оружия не отдаст, и они его не получат ни с живого, ни с мертвого. После этого он выбросил саблю в море.

Затем адмирал призвал к себе следующего по старшинству флагмана контр-адмирала Лукина и предложил ему вступить в командование флотом. Временному правительству он послал телеграмму с извещением о происшедшем. В полночь с 9-го на 10-е июня адмирал Колчак приказал спустить свой флаг командующего флотом. Тогда же была получена телеграмма Временного правительства, подписанная князем Львовым и Керенским, следующего содержания (цитирую по памяти):

Вице-адмиралу Колчаку и капитану 1 ранга Смирнову, допустившим явный бунт в Черноморском флоте, немедленно прибыть в Петроград для доклада Временному правительству.

Контр-адмиралу Лукину вступить во временное командование флотом.

Для расследования обстоятельств бунта и наказания виновных назначается комиссия, выезжающая из Петрограда.

Адмирал был глубоко оскорблен этой телеграммой.

10-го июня вечером адмирал Колчак и я отбыли из Севастополя в Петроград. На вокзале собрались проводить некоторые офицеры флота и при отходе поезда один из них, обращаясь к адмиралу, крикнул: «Мужество и доблесть, сознание долга и чести во все времена служили украшением народов. Ура!»

Оценка боевой деятельности адмирала Колчака дана нашими противниками немцами в официальном издании относительно войны на Черном море следующими словами:

«Колчак был молодой и энергичный вождь, сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев

еще усилилась. Сообщение с Зунгулдаком было значительно стеснено. Подвоз угля был крайне затруднен. Угольный голод (в Турции) все больше давил. Флот был принужден прекратить операции». «Постановка русскими морскими силами мин перед Босфором производилась мастерски». «Летом 1916 года русские поставили приблизительно 1800–2000 мин. Для этого они пользовались ночами, так как только ночью можно было подойти к берегу. Русские заградители подходили непосредственно к берегу и новые мины ложились так близко к старым, что можно было только удивляться ловкости и уверенности, с которыми русские сами избегали своих собственных раньше поставленных мин». «Становилось все более очевидным, что при обычной энергии русского флота эти операции были только подготовительными к другой активной на другом пункте побережья». «На все надобности Оттоманской империи пришлось ограничиться 14 000 тоннами угля в месяц, прибывавшими из Германии. Пришлось сократить железнодорожное движение, освещение городов, даже выделку снарядов. При таких безнадежных для Турции обстоятельствах начался 1917 год. К лету деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушел. Россия явно выходила из строя союзников, ее флот умирал. Революция и большевистский переворот его добила. В декабре стали беспрепятственно доставлять уголь из Зунгулдака в Константинополь. Оттоманская империя стала оживать».

Во время пути из Севастополя в Петроград адмирал Колчак находился в очень тяжелом состоянии духа. Судьба Родины его тревожила, он сознавал, что Отечество идет быстрыми шагами к гибели. Сделанное Временным правительством обвинение в допущении им бунта его оскорбило. Он прилагал все свои силы для сохранения боеспособности флота, но законы, вводимые Временным правительством, противоречили всем установившимся понятиям об устройстве воинской силы и разлагали армию и флот. Никакие меры отдельных начальников не могли остановить этого разложения.

Адмирал в вагоне высказывал мнение, что главным врагом России является Германия, дошедшая до таких низменных способов ведения войны, как доставка в Россию Ленина в запломбированном вагоне. Адмирал говорил, что для сокрушения Германии он отдаст все свои силы, хотя бы сражаясь в рядах союзников. Он верил их благородству, считал себя связанным с ними долгом чести на поле брани и надеялся, что, победив Германию, союзники помогут восстановлению национальной России⁵.

